

УДК 82–94:Сенкевич

Николай Васькив

ТАТАРЫ И УКРАИНЦЫ Г. СЕНКЕВИЧА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КСЕНОФОБСКИЕ ИНТЕНЦИИ

В статье рассматриваются проблемы рецепции творчества Генрика Сенкевича, прежде всего романа «Огнем и мечом», польским, украинским и татарским читателем сквозь призму межнациональных, межкультурных взаимоотношений. Ведется речь о ксенофобских интенциях, порожденных внелитературными факторами и авторскими установками. К анализу привлекается участие Г. Сенкевича в полемике 1907 г. с Б. Бьернсоном и И. Франко относительно украинско-польского противостояния.

Ключевые слова: национальный миф, творческий процесс, текст как замкнутая структура, апперцепция, литературная полемика.

Во время работы Международной научной конференции «Эстетические аспекты литературы польских, белорусских и литовских татар (XVI–XXI вв.)» (14–15 ноября 2014 года, Бялосток–Сокулка, Польша) с очень интересным докладом «Татары Генрика Сенкевича» выступила профессор Университета в Бялостоке Йоланта Штахельска. Она рассказала о крымскотатарских корнях по линии отца, классика польской литературы, о персонажах-татарах в так называемых малой и большой Трилогиях. Проф. Й. Штахельска акцентировала внимание на том, что Г. Сенкевич создает образы ярких, одаренных и аутентичных представителей татарского этноса, которые в экстремальных условиях полностью отдаются чувствам, страсти, не прислушиваясь к голосу разума. Ярким примером такого образа стал татарский мурза Тугай-бей из романа «Огнем и мечом», проиллюстрированный изображением из фильма Ежи Гофмана, на котором предстает мощный, экзотически одетый человек полудикарского вида. Особенно важно для проф. Йоланты Штахельской было акцентировать внимание на том, что польский писатель в жизни и творчестве никоим образом не был националистом или шовинистом, а его произведения не дают оснований для формирования ксенофобских настроений.

Сомнения в справедливости подобных утверждений вызвало несоответствие между художественным образом и историческим Тугай-беем.

Впрочем, ничего странного в этом нет, наоборот, в художественном произведении (в том числе на историческую тематику) писатель в соответствии со своим видением прошлого и настоящего, внутренними законами создания эстетических объектов создает фикционные образы, которые не обязаны совпадать с реальными прототипами. Но нет ли целенаправленной тенденциозности в создании Генриком Сенкевичем персонажей — представителей непольской национальности?

Оказывается, исторический Тугай-бей, Перекопский комендант, был одним из образованнейших людей своего времени (как и большинство представителей правящей крымскотатарской династии Гераев), мужественным воином, мудрым военачальником и политиком, которому его современник Джанмухамед (о личности автора известно совсем мало) посвятил эпическую поэму под соответствующим названием «Тугай-бей». Но в романе «Огнем и мечом» автор постоянно акцентирует внимание на непредсказуемости, дикости, грубости поведения мурзы, хотя действительно человека сильного и отважного. Таким он предстает уже с первых строк знакомства с ним. «Тугай-бей, как самый важный среди мурз и страшилище для низовцев (запорожских казаков. — Н.В.), был предметом страшной ненависти на Сечи <...> горделивое ко всему выражение лица <...> был дикий и свирепый Тугай-бей» [7, 130] (тут и дальше перевод мой. — Н.В.).

В дальнейшем дикость и непостоянство Тугай-бея и татар в целом становится в романе общим местом: «двинулись толпы черни, казаков, татар и других диких воинов», «тем временем дикий Тугай-бей» [8, 277; 283] и т.д. Особенно карикатурными выглядят турки во время осады Збаража, когда подставляют себя Лонгинусу Подбипенте, который одним ударом меча срубил три вражеские головы, как и его легендарный предок [8, 322–323]. Определенной тупостью отличаются и татары, сотнями обложившие одного все того же Лонгинуса и бесславно гибнущие десятками под ударами его меча. Лишь когда они устали все кругом трупами, догадались (почему не могли сделать этого раньше?) расстрелять его стрелами из луков. При этом постоянно встречаем фразы «дикие силуэты татар», «разлеглись стоны, завывания, вопли о спасении <...> Тихий луг зазвучал всякими дикими голосами, какие только помещаются в человеческих глотках», «вокруг раздались дикие вопли» [8, 341–343].

Но дикие также и украинские, запорожские, казаки («В тех разговорах, в той ненависти <...> сквозила будто какая-то дикая любовь» [8, 316]), и казаки донские («шли дикие донские казаки» [8, 280]), и турки. Если взять во внимание последующие части большой Трилогии — романы «Потоп» и «Пан Володиевский», — то еще более дикими, отсталыми предстают москвиты и турки, и даже шведов писатель воспринимает нецивилизованными на фоне польской шляхты XVII века. Г. Сенкевич постоянно акцентирует внимание на полководческой и политической одаренности Богдана Хмельницкого, на его коварстве, непостоянстве, хитрости («Хмельницкий гетман, кровавый демон, великан, мститель собственной несправедливости на миллионах <...> Это был лев и лиса, орел и уж» [7, 130]). Поскольку основное противостояние в первом романе Трилогии было между поляками и украинцами, то можно догадаться, что больше всего негативных красок писатель не жалеет как раз для изображения украинских казаков, крестьян и их предводителей. И этот первый роман, «Огнем и мечом», считается самым ярким, самым интересным для читателя, соответственно, он больше всего влияет на формирование определенного *itago* украинцев, татар, турок, русских и т.д.

На очень долгое время отношение украинцев к Г. Сенкевичу (читай — к первому роману Трилогии) определила статья Владимира Антоновича «Польско-русские отношения XVII в. в современной польской призма (По поводу повести Г. Сенкевича «Огнем и мечом»)» [1], напечатанная в журнале «Киевская старина» в мае 1885 г., почти сразу после завершения публикации романа («Огнем и мечом» печатался одновременно, из номера в номер, в двух польских газетах на протяжении 1882–1884 гг.). В. Антонович —

по происхождению польский шляхтич (дворянин) — в студенческие годы с единомышленниками пришел к выводу, что они являются должниками украинской нации, поэтому резко порвал с польским окружением и посвятил всю свою дальнейшую жизнь формированию общественно-просветительской и научной украинской среды. К произведению Сенкевича Антонович подошел, прежде всего, как профессиональный историк. Он сразу же отметил, что в романе практически нет отступлений от исторического фактажа, но много вредит ему тенденциозность освещения этого фактажа. Несмотря на эту тенденциозность, «Огнем и мечом» встретил восторженные отклики со стороны польской общественности: костюмированные представления, бурные празднования, приемы в честь писателя и т.д., — что очень огорчило украинского ученого. Поэтому В. Антонович принимается бросать стрелы в роман Г. Сенкевича.

Хотя эти стрелы часто никоим образом не относились к роману «Огнем и мечом». Так, сложно предъявлять претензии Сенкевичу, что он стал апологетом цивилизаторской миссии Речи Посполитой и поклонником монархического государственного устройства с четкой вертикалью власти, ибо писатель, наверное, до конца Трилогии так и не определился, что же для поляков ценнее: крепкая королевская власть или демократическое шляхетское устройство с его правом *liberum veto*. Но Антонович обвиняет Сенкевича в регрессивном, антицивилизаторско-анархичном изображении украинского казачества. А еще украинский ученый перечислил целый ряд неточностей в «Огнем и мечом» при употреблении украинских слов, топонимии, народных песен и т.д.

Как следствие, получалось, что роман воссоздал настоящие исторические факты, но очень исказил историческую действительность через свою тенденциозность. А тенденциозность состояла или в топонимических неточностях, или в том, что вообще к роману Сенкевича отношения не имело, но было общим местом польско-украинского противостояния на протяжении двух столетий. Кстати, Генрик Сенкевич внимательно прочитал статью Антоновича, в последующие издания романа тщательно внес исправления всех неточностей, на которые указал критик, но от этого, понятно, для украинских читателей «Огнем и мечом» не стал менее тенденциозным и антиукраинским.

Еще в начале статьи В. Антонович очень четко уловил, что «повесть г. Сенкевича по приему, который она встретила в польском обществе, по впечатлению, которое она произвела на это общество, является, несомненно, выразителем современного состояния исторического самосознания польской интеллигенции, последним

словом его патриотических, национальных и общественных взглядов <...>» [1, 45]. Именно «патриотические, национальные и общественные взгляды» украинцев и поляков много в чем определили характер восприятия романа Сенкевича. Вот как об этом вспоминал известный украинский поэт и прозаик к. XIX — нач. XX веков Богдан Лепкий, много лет проживший в Польше, воспроизводя атмосферу польскоязычной гимназии на исконно украинских землях: «Среди молодежи в низшей гимназии отдельной заинтересованности политикой не было. А все же в классе не раз ссорился какой-нибудь из наших с товарищем поляком из-за какого-то уничижительного слова, а то и подерутся, как молодые петухи. Но через час-второй мирились, потому что надо было позаимствовать задание для переписывания или просить врага, чтобы хорошо отвечал. Но появление «Огнем и мечом» Сенкевича растоптала предшествующую идиллию. Той ребячьей искренности, во-первых, уже не было. От Богдана и Яремы (персонажи романа — Н.В.) ложились промеж нас большие, черные тени» [3, 499]. Поэтому малоперспективным делом было определять, насколько точно писатель воспроизводил тот или иной мелкий факт, на каких событиях акцентировал внимание, а о каких — умолчал. Но преимущественно на этом сосредоточились почти все польские и украинские критики романа «Огнем и мечом» того времени (Б. Прус, П. Хмелевски, А. Свентоховски, В. Гнатюк, О. Маковой и др.).

Несмотря на критику столь уважаемых личностей, роман Г. Сенкевича и дальше оставался самым популярным произведением среди широкого круга польских читателей. Чтобы примирить польскую читательскую общественность и украинские научные круги, в 1934 г. издает работу «“Огнем и мечом” и историческая действительность» [6] Ольгерд Гурка, ученик известного польского историка Людвика Кубали (именно труды Кубали были основным научным источником для Сенкевича), еврей-преподаватель польской гимназии в Золочеве — городе на исконно украинских землях (теперь Львовская область Украины). Гурку чрезвычайно впечатлил художественный уровень романа Сенкевича, высокий талант писателя, который «*Iwim razurem*» (львиным когтем) оставляет глубокий след в сознании читателей. Исследователь приводит даже примеры таких следов. Так в одном из писем современника Сенкевича речь идет о том, как под влиянием от только что прочитанного очередного отрывка из романа, в котором описано гибель Подбиенты, автор письма зашел в костел и заказал мессу за упокой души умершего. И только позже осознал, что впадает в святотатство, ибо поминает душу несуществующего человека — литературного героя. Еще одна пани преклонного возраста со слезами на глазах сообщала своим

знакомым, что «Бар взят» (казаками). А в годы «отыскания» Польшей независимости (1917–1920) воины польских легионов носили «Огнем и мечом» возле сердца так же, как два десятилетия после этого советские — носили «Как закалялась сталь» Н. Островского.

О. Гурка ставит вопрос: кто же виноват в том, что таким непривлекательным встает образ украинца со страниц романа Г. Сенкевича? И тут же дает ответ: кто угодно — только не автор «Огнем и мечом». Да, в романе есть неточности, но у писателя не было никаких упреждений относительно Украины и украинцев. А причина неточностей состоит в том, что Сенкевич использовал тенденциозные труды историка Л. Кубали, которые грешат многими искажениями исторических фактов. Если же автор известного славного романа использовал бы реальные факты, то, вполне возможно, «Огнем и мечом» мог бы стать любимым романом и для украинцев, потому что и вправду, например, был реальный шляхтич Скшетуский, но был он русином (украинцем) и православным. Так что он имел бы все основания рассчитывать на благосклонность со стороны соотечественников и единоверцев. А поляки, по мнению О. Гурки, тоже реалистичнее должны бы трактовать события межнационального противостояния середины XVII века.

Однако, как утверждают польские ученые, и до сих пор обычные поляки — от учеников до пенсионеров — выработали себе представление об этом противостоянии никак не на основе работы Гурки или трудов других уважаемых историков-соотечественников (которые в целом дают достаточно объективную картину событий того времени), а на основе все того же романа «Огнем и мечом», который буквально стал национальным польским мифом.

Интуитивно многие из украинцев понимали, что проблема в восприятии этого произведения состоит никак не в том, насколько правдиво и точно воссоздал писатель какие-то конкретные большие или малые события прошлого, хотя реализм и позитивизм, которые господствовали на то время в славянских литературах, подталкивали именно к такому прочтению исторического романа (такой подход к произведениям исторических жанров сохранялся в советском литературоведении до момента распада Союза и даже позже). Особенно остро чувствовали то, что сила романа Сенкевича — прежде всего в его художественном совершенстве, украинские писатели. Поэтому пробовали создать ему альтернативу не в форме научно-критических работ, а в форме литературных произведений. Но Ивану Нечую-Левицкому и Андрею Чайковскому это не удалось. Замысел Нечуя-Левицкого был довольно интересным — создать роман для массового читателя. Но для его реализации не хватило художественной смелости,

писатель боялся хотя бы на шаг отступить от исторических документов, свидетельств, фактов. Как следствие, вышел прекрасный беллетризованный пересказ научных работ, но бледные, схематические персонажи, при отсутствии какой-то острой интриги, не могли превратить «Ярему Вишневецкого» в захватывающее литературное произведение и окончательно отправили роман в небытие, что на протяжении почти столетия нигде не публиковался. Не удалось реализовать замыслы по созданию «антиогнемечевского» романа и А. Чайковскому.

Впрочем, в 1931 году было завершено еще одно произведение, которое имело четкую полемическую направленность против «Огнем и мечом» Сенкевича. Это был роман Александра Соколовского «Богун». Свидетельством этой полемичности были и эпиграфы из трудов польских историков, в частности Л. Кубали. Одним из ведущих образов, который противостоит детально выписанному Вишневецкому, становится Хмельницкий, отважный, мудрый, даже хитрый — чем не соединение «льва и ужа», «льва и лисы», как о нем говорил Сенкевич и его персонажи! Но основу противостояния составляют не исторические персонажи и события, а фабульная канва, базирующаяся на классическом любовном треугольнике. Такой крен в сторону «романичности» очень интересен и странен у А. Соколовского, поскольку историческая романистика 1920–30-х гг. была четко ориентирована на полное соответствие документам (В. Гжицкий в «Кармелюке» цитирует их целыми страницами, не всегда выделяя кавычками) и историческим работам. В конце концов, такими по структуре были и предыдущие романы А. Соколовского о народниках и их террористической деятельности.

В центре «Огнем и мечом» стоит борьба Скшетуского и Богуна и их товарищей за прекрасную шляхтянку Елену Курцевич (имя этой героини и война вокруг нее вполне закономерно породили у ученых попытки сравнения романа с гомеровской «Илиадой»). Сюжетную основу романа Соколовского составляет борьба за прекрасную казачку Оксану Ивана Богуна и Стефана Чарнецкого, того самого Чарнецкого, который был для украинцев не меньшим палачом, чем Вишневецкий, и который выбросил тело Хмельницкого из его гроба. В целом «Богун» переполнен захватывающими коллизиями, течением событий; постоянно держит внимание читателя в напряжении, но автору не удалось избавиться от некоторой односторонности: он четко разграничил персонажей на положительных и негативных по национальной принадлежности (думаю, не стоит уточнять, к кому причислялись украинцы, а к кому — поляки). Богун — исключительно позитивный персонаж, Чарнецкий — воплощение всех негативов.

У Сенкевича таким односторонним выступает только один персонаж — Скшетуский, рыцарь без страха и упрека. Что касается остальных, то польский писатель пытался избежать подобной односторонности. Интересны в этом плане воспоминания О. Гурки о собственной рецепции романа «Огнем и мечом»: сначала он безмерно восхищался тем самым идеализированным Скшетуским, потом симпатии перешли к «маленькому рыцарю», искусному фехтовальщику Володыевскому, чтобы уже в зрелом возрасте окончательно и навсегда закрепиться за Богуном — этим противоречивым романтическим синтезом высокого и низкого, позитивного и негативного, что делает его по-настоящему жизненным и привлекательным. Роман Г. Сенкевича исполнен драматизма и даже трагизма, что вызывает постоянное стремление к катарсису со стороны читателей. Так писателю, когда он опубликовал в газете очередную часть романа, в которой татары окружили возле дуба Подбипенту, были отправлены десятки писем, в которых читатели просили сохранить этому персонажу жизнь. Казалось бы, почему и не пойти читателям на уступки, завоевав их любовь и благосклонность? Но было понимание и другого: от этой уступки пострадает художественная ценность романа, который превратится в примитивный вестерн, и поэтому Подбипента гибнет. И какой это трагически-патетический момент в романе!

Эту особенность произведения Г. Сенкевича уловил и Ежи Гофман, «усовершенствовал» в одноименном фильме именно в этом направлении роман «Огнем и мечом». По произведению Сенкевича, Горпина — старая и уродливая ведьма. У Гофмана — это по-своему прекрасная молодая колдунья в исполнении колоритной Русланы Писанки, безнадежно влюбленная в Богуна, и это вводит в фильм еще одну побочную сюжетную линию, исполненную драматизма и даже трагизма. Достичь такого драматизма А. Соколовскому в «Богуне» не удалось — возможно, именно поэтому он и не завоевал какой-то необычайной популярности у украинского читателя. К этому в определенной мере привело также то, что никто особенно и не пытался популяризировать произведение репрессированного автора.

Относительно «Огнем и мечом» точки над «i» в 1960-е годы довольно удачно расставил польский литературовед Казимеж Выка. Он предложил четко разграничивать три понятия: процесс создания романа — произведение как замкнутую структуру — и его читательскую судьбу, а именно рецепцию в контексте определенных идеологических, политических, национальных противостояний. *«Дело в том, какого уровня существования литературного произведения эти мысли касаются и рассматриваются ли они как равноправные. Уровня таких существует три: механизм*

создания, свойственный данному писателю; произведение как завершенная и самодостаточная структура; отпечаток произведения в сознании читателя, его рецепция. Короче: процесс создания, произведение, судьба творения» [9, 33]. Именно о последнем аспекте преимущественно вели речь относительно романа Сенкевича со стороны украинцев, пытаясь зачеркнуть непревзойденные для поляков два других аспекта, которые выводят роман в число самых выдающихся для польской литературы произведений. Сам роман вышел чрезвычайно многогранным, его структура дает неисчерпаемые источники для отыскания новых смыслов как со стороны малограмотного читателя, так и для тонкого эстета, хотя многие указывают на определенные элементы лубочно-примитивной стилистики. Написанный в неоромантическом духе, он соединяет в себе черты исторического романа, легенды, предания, превращаясь, в конце концов, в национальный миф, вестерн (Сенкевич писал свой роман сразу после путешествия в США, где он наблюдал чрезвычайно популярную этого жанра).

Сказать, что в структуре «Огнем и мечом» объективно не было антиукраинских выпадов и все это привнесено только контекстом межнационального противостояния, — это сказать неправду. Несмотря на яркое изображение личностей Хмельницкого и Богуня, казачьей храбрости и вольницы, украинцы, как и татары, турки, чаще всего предстают некультурными, неблагодарными, полудикарями и т.д. Но это не была сознательная установка автора именно такими изображать украинцев. Замысел автора состоял в другом, на чем он акцентировал в последнем романе Трилогии — «Пане Володыевском»: «На этом заканчивается тот ряд книг, которые писались в течение нескольких лет и с немалым трудом — для укрепления сердец». Именно это стремление «укреплять сердца» соотечественников в условиях утраты государственности подвигло автора к возвеличиванию предков. И нередко это возвеличивание произвольно достигалось, кроме всего прочего, и за счет уничижительно-унизительного отношения к другим национальностям.

Это наблюдается не только в «Огнем и мечом» относительно украинцев и татар, но и в «Потопе» — относительно шведов и москвитов, в «Пане Володыевском» — относительно турок и татар. Но ни шведы, ни турки не воспринимали эти романы так остро, как украинцы. Возможно, сработал многовековой комплекс неполноценности, когда на каждом шагу нужно было доказывать свое право на существование, на создание со временем собственного государства, в чем не было необходимости не только у шведов, русских и турок, но и у самих же поляков, за которыми вся прогрессивная Европа признала право

на возрождение государственности. Очевидно, именно этот комплекс заставлял чрезвычайно остро реагировать и против тех неприглядных фактов или описаний украинско-польского прошлого, о которых дискутируют украинские историки, а в полемическом запале во всем обвинять «тенденциозно неправдивого» Г. Сенкевича...

В момент создания «Огнем и мечом» на автора сошло удивительно высокое вдохновение, порожденное, очевидно, мощным патриотическим горением, — настолько высокое, что ничего подобного он, наверное, не достигал в последующем творчестве, даже в таких шедеврах, как «Крестоносцы» и «Quo vadis?». Это давало ему возможность силой одного только воображения творить уникальные картины. Так, прочитав роман Сенкевича, 80-летний Богдан Залески, польский поэт «украинской школы», много лет живший в Украине и потом переехавший в Польшу, написал автору благодарственное письмо за то, что он так ярко воссоздал картины украинских видов, особенно степи, с детства известные Залескому. Правда, парадокс состоит в том, что в действительности сам Сенкевич никогда Украины и украинских степей не видел, творя ее только в своем воображении на основе гоголевских описаний природы в «Тарасе Бульбе» да еще собственных наблюдений в американских прериях. Но это же воображение создало на фоне прекрасной украинской природы, природы Дикого Поля не соответствующие ее чудному величию образы украинца и татарина, мягко говоря, не всегда привлекательные.

Когда антиукраинские мотивы «Огнем и мечом» критика «вынесла на поверхность», Генрик Сенкевич попробовал сгладить такое непривлекательное видение украинцев в романе «Пан Володыевский», персонажи которого приходят к выводу, что поляки и украинцы — народы-братья, христиане-единоверцы перед той угрозой, которая исходит от мусульманского мира. Пан Мушальский и казак Дыдюк были непримиримыми врагами-соседями. Но вот судьба свела их в турецкой неволе. Вернувшись из плена, Мушальский откровенно заявил, что там ему Дыдюк стал ближе любого из ближайшей родни. Бывший жестокий укротитель казаков Каминский, услышав глас Божий, становится священником и проповедует любовь к ближнему, имея в виду прежде всего казаков, украинцев. Что, однако, не привело к какому-то изменению отношения к «Огнем и мечом» со стороны украинской общественности. В свою очередь, призывы к единению христиан украинцев и поляков в «Пане Володыевском» имели и обратную сторону медали, так как тенденциозно негативными, чуть ли не карикатурными изображались представители исламского мира. Ярчайший тому пример — образ Азии Тугайбейовича, вымышленного сына Тугай-бея, которого воспитал

знатный польский шляхтич, любил его, как сына, а он, неблагодарный, предал Речь Посполитую, убил приемного отца и разбил счастье сводного брата, за что был справедливо наказан — посажен на кол.

Патриотические попытки возвеличить собственный народ, которые порождали элементы пренебрежения к другим народам, сыграло с Г. Сенкевичем злую шутку в 1907 г. Это было связано с борьбой студентов и преподавателей Львовского университета за открытие в нем украинских кафедр, а возглавлял эту борьбу Михаил Грушевский, самый видный, наверное, украинский историк и в будущем первый президент украинской Центральной Рады. Все началось со статьи норвежского писателя, нобелевского лауреата Бьернстерне Бьернсон «Поляки — угнетателям» в начале 1907 г. в венской газете «Die Zeit», в которой было преподнесено с пафосом историю и стойкость польского народа, но с предостережением, что народу, который терпит национальные притеснения и добивается возрождения собственной государственности, не приличествует угнетать другой народ, преследуя украинцев за их стремление к культурно-политическому самоопределению (многих студентов — участников выступлений за открытие украинских кафедр было арестовано, и они объявили голодовку, что, в конце концов, увенчалось их освобождением). Б. Бьернсен продолжил в статье серию страстных публикаций в защиту славянских народов, против имперского гнета, любых проявлений шовинизма.

Первым с опровержением статьи норвежца, утверждениями о том, что поляки испокон веков толерантно относились к другим народам и оставались такими же великодушными всегда, выступил известный во всей Европе польский пианист Игнацы Ян Падеревски. С подобными же заявлениями 19 мая выступил в газете и Г. Сенкевич, добавив, что, собственно, никакой студенческой голодовки не было, это только лишний шум вокруг несуществующего факта, потому что украинцы в тюрьме потребляли себе спокойно сладости с вином. В июне «Die Zeit» с предложением высказать собственное мнение о публикациях Бьернсена, Падеревского и Сенкевича обратилась к Ивану Франко, который сразу подал к печати статью «Три великана в борьбе за карлика» [5], достаточно острую и не всегда справедливую относительно норвежского писателя (его вместе с польскими оппонентами он называет иронически «великанами», а украинский народ — «карликом»), но в целом научно аргументированную. Оказалось, что не все было так безоблачно в польско-украинских взаимоотношениях, как пытались представить И.Я. Падеревски и Г. Сенкевич.

А львовские студенты, которых было арестовано тогда, подали иск к Сенкевичу за

оскорбление достоинства и чести в Венский суд. Поначалу польский писатель бравурно уверял, что не боится любого иска, но потом в Вену так и не поехал, согласившись, в конце концов, с приговором суда: публичное извинение и 30 суток ареста с правом замены на 300 крон штрафа. Кстати, украинские студенты просили о как можно более мягком наказании польского писателя, поскольку им важен был только сам факт опровержения клеветы [4]. Этот урок не прошел для Сенкевича напрасно: в 1914 году писатель получил приглашение от польской общины в Киеве дать ряд выступлений перед польскими колонистами по всей Украине, на что дал вежливый отказ, объясняя его тем, что свое задание он видит в художественном творчестве, а не в публицистических выступлениях и заявлениях. Одновременно он позитивно отзывался об украинской культуре, в частности, дав довольно высокую оценку творчеству Тараса Шевченко [2, 39].

Несмотря на то, что Г. Сенкевич активно усваивал «уроки» межнациональной толерантности, изменить текст его произведений невозможно, а значит, и все потенциальные интерпретации, которые он в себе содержит. Возникает необходимость «убирать» ксенофобские нотки романа, объяснять причины их появления не со злой воли автора и акцентировать внимание на общечеловеческих, гуманистических основах произведения и авторского мировоззрения. Что в большинстве своем и делают польские ученые, а также исследователи из других стран. Проблема состоит в том, что очень часто соответствующие научные интерпретации не определяют отношение широких читательских масс в Польше к «Огнем и мечом», остальным романам Трилогии, что приводит к бытовым проявлениям националистической нетерпимости.

От 1673 года татары, живущие на территории Речи Посполитой, Польши и являющиеся их гражданами, верой и правдой служили этим государствам. Но в романе «Пан Володыевский» воспроизводится так называемый бунт липков, то есть татар, которые бросают польскую армию и переходят на территорию Османской империи, на службу к туркам-единоверцам. Генрик Сенкевич представляет это событие как предательство неверных татар, вероломно покинувших государство, которое в течение десятилетий и даже столетий давало им прибежище. Вершиной этого непростительного, по мнению писателя, поступка стало уже упоминаемое в статье вероломство Азии Тугайбейовича. Автора «Огнем и мечом» совершенно не интересует то, что именно власть Речи Посполитой не выполняла свои обязательства перед татарами, не выплачивая им содержание за несколько лет, а ведь для татар чаще всего это был единственный источник доходов.

Не всегда интересует это и читателей. В конце концов, для сегодняшних межнациональных отношений это не должно играть никакой роли, разве что надо не замалчивать факты острого противостояния в прошлом, чтобы дальше развивать отношения на основе общечеловеческих ценностей. Что не всегда получается. Так тревожным сигналом на конференции стало сообщение о том, что школьники-поляки прибегают к оскорблениям и унижениям одноклассников-татар именно под влиянием Трилогии Сенкевича, тех имагологических предубеждений, которые возникают после его прочтения или, скорее, не совсем адекватной интерпретации со стороны определенных публицистов, политиков, обывателей и т.д. Встают очень серьезные проблемы перед учеными, масс-медиа, политическим бомондом в формировании толерантного отношения

к согражданам независимо от их национального отношения, религиозных убеждений, культурных традиций. И это касается не только и не столько интерпретирования Трилогии, ведь чаще всего читатели выбирают из потенциально заложенных множественных прочтений то, на которое направляются их интенции. Как ни прискорбно, но до сих пор польская читательская общественность в значительной мере «готова» к ксенофобской рецепции литературных произведений, не только Г. Сенкевича. Что же касается непосредственно учеников-татар польских школ, то важнейшие задачи стоят перед учителями: не закрывать глаза на проблему, не уставать формировать толерантное отношение к Другому, очевидно, ввести в определенных регионах соответствующие спецкурсы по истории и литературе.

ИСТОЧНИКИ

1. Антонович В. Польско-русские отношения XVII в. в современной польской призме (По поводу повести Г. Сенкевича «Огнем и мечом») / Владимир Антонович // Киевская старина. — 1885. — Т. 12, май. — С. 41–53.
2. Вервес Г. Тарас Шевченко і польська культура / Г.Д. Вервес // Шевченко і світ. — К. : Дніпро, 1989. — С. 9–46.
3. Лепкий Б. Твори в двох томах / Богдан Лепкий. — Т. 2. — К. : Дніпро, 1991. — 616 с.
4. Нагорода Нобля і трийцять днів арешту // Буковина. — 1908. — № 55 (9 (22) травня).
5. Франко І. Три велетні в боротьбі за карлика / Іван Франко // Діло. — 1907. — № 136 (2 липня).
6. Górka O. «Ogniem i mieczem» a rzeczywistość historyczna / Olga Górka. — Warszawa : Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1986. — 140 s.
7. Sienkiewicz H. Ogniem i mieczem / Henryk Sienkiewicz. — Tom pierwszy. — Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1972. — 413 s.
8. Sienkiewicz H. Ogniem i mieczem / Henryk Sienkiewicz. — Tom drugi. — Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1972. — 401 s.
9. Wyka K. O nową drogę, do Sienkiewicza / Kazimierz Wyka // Miesięcznik Literacki. — 1967. — № 1. — S. 27–48.

У статті розглядаються проблеми рецепції творчості Генрика Сенкевича, передусім роману «Вогнем і мечем», польським, українським і татарським читачем через призму міжнародних, міжкультурних взаємин. Ідеться про ксенофобські інтенції, породжені позалітературними чинниками й авторськими настановами. До аналізу залучається участь Г. Сенкевича в полеміці 1907 р. з Б. Бйорнсоном та І. Франком стосовно українсько-польського протистояння.

Ключові слова: національний міф, творчий процес, текст як замкнута структура, аперцепція, літературна полеміка.

The article examines problems of reception of Henryk Sienkiewicz's literary heritage, particularly the novel "With Fire and Sword", by Polish, Ukrainian and Tatar readers through international and intercultural relations. It covers xenophobic intentions generated by extraliterary matters and author's directives. The analysis includes H. Sienkiewicz's participation in polemics with B. Bjornson and I. Franko in 1907 as to the Ukrainian-Polish confrontation.

Key words: national myth, creative process, text as self-contained structure, apperception, literary polemics.